

## Путешествия

Что в мире краше наших мест  
От Нуси-Бе до Тулеара?

Ж.Раду

**Я**довольно много путешествовала по Мадагаскару. Диего-Суарес, Таматаве, Мажунга, Тулеар...

Однажды поехала на Мадагаскар переводчиком при делегации ЦК ВЛКСМ. Руководителем был Г.К.Г-о. На руке у него – татуировка: “не забуду мать родную”. Можете себе представить... Много было всего...

Но особенно отличился он... – помните известный анекдот: принял французского посла за английского?.. Так вот – он принял Андриамандзату за Рацифехеру (!). Поздравил Андриамандзату с получением ордена Дружбы народов, которым наградили Рацифехеру... И когда я пыталась тихонько поправить его: – Не указывайте мне. Ваше дело – переводить.

Ну, я и перевела.

Надо было видеть при этом лица Андриамандзату и Рацифехеры! Впрочем, они понимали, с кем имеют дело...

Хочу вспомнить о поездке в Таматаве в ноябре 1977 года.

Там проводилась выставка книг в рамках празднования 60-летия Октябрьской революции. В делегации было трое: Вадим Пигалев от издательства “Молодая гвардия”, Галина Семакова и я. Нас сопровождал представитель посольства, должно быть, советник по культуре.

Мы подружились с девушкой из регистратуры отеля, где мы остановились. Она прониклась к нам симпатией. Потом говорила:

– Если бы не вы, я бы всю жизнь ненавидела русских...

– ?

Однажды какой-то русский моряк, когда она случайно коснулась его руки, вынул платок и демонстративно тщательно вытер руку... У представителя посольства был день рождения. Мы пригласили девушку. Он налил ей водки. Она отказывалась – она вообще не пьет, тем более крепкие напитки. Именинник настаивал, настаивал и настаивал...

Выпив рюмку, девушка почти обезумела. Бросалась в море, ничего не соображая. Мы принесли ее, “бездыханную”, ко мне в номер. Я не спала всю ночь, чтобы разбудить ее, – утром ведь ей рано на работу...

Целые дни мы проводили на выставке. В обязанности представителя посольства (не буду называть его имя) входило возить нас на машине. Он привозил нас утром и исчезал. В обед мы выходим, чтобы ехать в гостиницу. Его нет. Ждем полчаса, час. Солнце палит немилосердно. Идем пешком (город замирал от жары, не на чем было доехать, да и не на что)... А наш представитель в это время катался на машине с местными девушками...

В конце оказалось, что у нас не хватило денег расплатиться за транспорт (в советские времена деньги строго распределялись по графам). Но кто-то оплатил перерасход. Как я потом узнала, это была та самая девушка из отеля.

Я не выдержала и, когда вернулись в Антананариву, пожаловалась А.В.Папкину. Он сказал, что все в посольстве возмущаются поведением этого дипломата и хорошо бы доложить об этом послу. Я доложила (хотя это не в моих правилах). Но, кажется, это не имело последствий. Потом я узнала, что он родственник какого-то большого начальника...

А девушка? Когда я в следующий раз приехала в Таматаве и зашла в отель, чтобы повидать ее и поблагодарить, мне сказали: сразу после нашего отъезда ее уволили – по всей видимости, та история не осталась незамеченной...

Самое яркое впечатление связано, конечно, с Сент-Мари. По окончании выставки нам удалось “вырваться” на этот “Остров женщин” – одно из сказочных мест Мадагаскара.

Я давно мечтала там побывать. Кое-что уже знала об этом острове, о его необыкновенной истории.

Первоначальное название его – Нуси-Бураха, или Нуси-Ибрагим (что значит “Остров Авраама”). По преданию, Ибрагим приплыл туда на дельфине, спасаясь от Всемирного потопа... В XVII веке автор книги “История Великого острова Мадагаскар” Этьен де Флакур (1607–1660) был поражен тем, что жители острова знают имена библейских пророков и придерживаются обычаев, описанных в Ветхом Завете. «Я считаю, что первыми поселенцами на Мадагаскаре были дети колена Авраамова, которые и поныне живут на острове Святой Марии и соседних землях. Они свято чтут субботу...», – писал он. А согласно исследованиям некоторых этнографов, у потомков евреев и этнической группы бецимисарака, населявших остров Сент-Мари, много общих черт в традициях и образе жизни.

Увлекательна интригующая и мелодраматическая история принцессы Бети, правительницы острова. В 1750 году она подарила остров своему любовнику – капитану Лабигорну, служащему Ост-Индской компании...

А Республика Либерталия? Сколько о ней писали! Правда, как выяснилось потом, – это вымысел Даниеля Дефо. Но остров действительно был пристанищем пиратов. В поисках нового Эльдorado в конце XVII века они обосновались на Сент-Мари. Завязывали контакты с местным населением. Женились на малагасийках... В результате – появилась народность “занамалата” (досл. – “дети мулатов”), в жилах которых смешалась кровь отцов (европейцев) и матерей (бецимисарака). Считается также, что пираты оставили на острове много кладов...

И вот я наконец здесь.

Летели на маленьком самолетике – всего человек двадцать. нас встретили и отвезли в “гостиницу” – несколько бунгало с завлекательными названиями (“Для влюбленных”, “Счастливые супруги”, “Бунгало мечты”...). На берегу океана. Кокосовые пальмы. Безбрежный песчаный пляж! Казалось, мы попали в рай!

Изрядно уставшие, мы закинули свои вещи и бросились к океану... И... растворились в нем. Часа полтора просто лежали, не двигаясь... Тихо плескалась шелковая волна. Никогда не забуду это ощущение – почему-то подумалось, что такое блаженство испытывает, должно быть, бегемот...

Наконец, “отмокли” и вернулись назад. Познакомились с хозяином. Средних лет мужчина, типичный занамалата – приветливый и сердечный. Спросил, что бы мы хотели на ужин. Мы пожали плечами.



– Хотите лангуста?

– Хотим. – Хотя никто из нас представления не имел тогда, что это такое.

Тут же появился молодой парнишка лет пятнадцати, сел в лодку и отправился в море...

И когда мы, немного отдохнув и приведя себя в порядок, пришли в “ресторан” (длинная открытая веранда), нам подали этот деликатес необыкновенной вкусноты... и французское шампанское – “подарок от хозяина”...

Как-то мы долго ехали вдоль океанского берега, и на пути – ни одного населенного пункта. А время – далеко за полдень, и давно хотелось перекусить.

Наконец, увидели “деревню” – четыре малагасийских хижины. Мы туда. Стучимся. Выходит статная малагасийка средних лет. Можем ли мы купить у вас какую-нибудь еду? Хозяйка показывает рукой на море. Там к берегу причаливает лодка. Спускаемся, нам показывают улов. Мы ахнули: голубые, зеленые, красные... рыбки, которых мы видели только в аквариумах! И всю эту красоту... нам поджарили.



*Кладбище пиратов*

*Ну и, конечно, кладбище пиратов. Не могли же мы уехать, не повидав его.*

*Кладбище – на горе. Дороги нет. Гора заросла колючим кустарником. Нас вел проводник. Он буквально выстригал нам дорогу сквозь колючки (и все равно все ноги были исцарапаны).*

*Наконец добрались. Что интересно – кладбище оказалось ухоженным, на надгробиях еще сохранились надписи... И представьте наше удивление – на некоторых могилах... горящие свечи (!).*

## ***Впервые своими глазами***

1963 год. Я работала в Институте Африки. Вдруг узнаю – в Доме дружбы собирают группу туристов на Мадагаскар. На Мадагаскар! Туристом! Господи, да я готова была хоть полы там мыть...

Бывают же чудеса! Да, конечно... Но... Поездка стоила 11 тысяч. А я получала тогда, как сейчас помню, 83 рубля... О, скромный быт шестидесятых! Этих денег хватало на две недели (потом питалась в основном манной кашей). Пришлось занимать, занимать... и даже, как я уже как-то рассказывала, – продать любимый бабушкин шкаф...

Но при чем здесь шкаф, если своими глазами увижу Любимый остров!

Но сначала... Сначала был Париж! Это, конечно, особая страница. Но не буду останавливаться – о Париже писали многие, и очень многие теперь уже там побывали.

Может быть, лишь несколько штрихов.

Как-то вечером мы бродили по улицам Парижа. Вдруг увидели небольшой магазинчик сувениров. Магазин закрывался – хозяин уже опускал жалюзи. Мы остановились, разочарованные. Но он тут же поднял жалюзи, открыл дверь и пригласил нас. Мы накупили сувениров. Я была за переводчика. И когда расставались, хозяин вручил мне “cadeau” (фр. “по-

дарок”). Мы были расстроганы – это после нашего-то: – Вас много, а я одна.

И еще, задевшее за душу. Скульптуры Родена. Много художников и скульпторов мне нравились. Но вот чтобы так – до дрожи! Разве что Чюрлёнис.

И, наконец, чувство ностальгии, которое испытала лишь раз в жизни – когда самолет поднялся в воздух, покидая Париж, у меня защемило сердце...

Но вернемся к Мадагаскару.

Лететь надо было всю ночь. От возбуждения не могла сомкнуть глаз. Наконец стало светать. Я жадно прильнула к окошку. Внизу бесконечные просторы океана...

И – вот он, наконец, Великий остров! Сплошной зеленый массив, изрезанный красными извивающимися змейками. Красота необыкновенная – дух захватывает!

Поселили нас в самом центре города. Отель “Лидо”. Вход прямо с лестницы, ведущей из Аналакели (нижняя часть города) в Антананаренина (верхняя часть). Здесь недавно воздвигнутый обелиск независимости. На камне три окольша: белый, красный, зеленый – цвета национального флага. Белый – символ мира и свободы, красный – решимости бороться в ее защиту и, если понадобится, пролить кровь. Зеленый – символ процветания страны. Здесь и знаменитый отель “Кольбер”, и Дворец Амбухивухитра (президентский дворец) из красного кирпича, и единственный тогда на весь город “супермаркет” – “Prisunique”.

С попутчиками мне повезло. Раиса Кольцова, руководитель делегации, сотрудник Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, мы с ней оставались близкими подругами до конца ее жизни. Юрий Бочкарев, заведующий отделом в журнале “Новое время”, довольно легкий в общении, с юмором. Леонид Вольнов – обозреватель еженедельника “За рубежом”, очень образованный и галантный мужчина. Кинорежиссер-сказочник Александр Роу. Н.А.Базилевская – специалист по растениям... Ну и, конечно, как полагалось тогда, – “журналист из Брянска”. Когда мы

восторгались малагасийскими закатами, он говорил: – У нас тоже красивые закаты. Но жить нам не мешал.

Приятно были удивлены, когда нашим сопровождающим



*С Ж.Расетой*

оказалась Бакули Рандра (Bakoly Rahandra) – первая женщина на Мадагаскаре, изучившая русский язык. Мы переписываемся с ней до сих пор.

В первое же утро в гостиницу буквально ворвался Жозеф Расета<sup>1</sup> – он услышал по радио о нашем приезде. Я его хорошо знала – работала с ним переводчиком, когда он бывал в Москве. В конце 1950-х – начале 1960-х начались контакты с политическими и общественными деятелями, и они часто приезжали в Москву по линии Государственного комитета по культурным связям, Советского комитета защиты мира,

Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Комитета советских женщин, Комитета молодежных организаций... Многих из них я знала.

Мы встречались с какими-то женскими организациями, деятелями культуры, журналистами... Принял нас и первый президент независимого Мадагаскара Филибер Циранана. В понедельник, 6 мая, в своем кабинете во дворце Андафиваратра. На стене – карта Мадагаскара, большой книжный шкаф и повсюду – статуэтки диких кошек. Правда, президент разочаровал нас – прочитал лекцию (на два часа!) о заселении

<sup>1</sup> Raseta Joseph (1886–1979) – один из лидеров партии “Демократическое движение за малагасийское возрождение” (МДРМ); представлял остров во французском парламенте.

островов Океании выходцами с Мадагаскара... Идея исключительности присуща не только нам!

В конце кто-то из наших спросил: – А что значат все эти кошки?

Циранана обрадовался вопросу и обстоятельно живописал. Когда он создал Социал-демократическую партию (ПСД) – по-французски PSD, оппоненты иронически называли их “*ri-so-*



*На встрече с президентом Ф.Цирананой*

dia”, что по звучанию похоже на малагасийское “*riso dia*” (“дикая кошка”). А потом им понравилась эта дикая кошка, и они сделали ее своей эмблемой. Прощаясь, мы пожелали президенту, чтобы Мадагаскар шел по пути прогресса быстрее, чем бегают дикие кошки. В газете “Смех” репортаж о нашем пребывании так и был озаглавлен: «Пожелания русских: “Пусть Мальгашская Республика развивается быстрее, чем бегают кошки...”»<sup>1</sup>.

Я встретилась с некоторыми друзьями, с которыми познакомилась еще на фестивале молодежи в 1957-м. Прежде всего, конечно, с семьей Андриамандзату.

Ришар и Бау поженились, у них уже было двое сыновей (Ни Айна и Ни Хасина). Они пригласили меня в гости. Жили

<sup>1</sup> «Hoy ny Fanirian-tsoa nataon'ny Rosiana: “Hirimorimo mihoatry ny fihazakazaky ny PISO anie ny firoboroboan'ny Repoblika Malagasy...”» // Hehy gazety. – Antananarivo, 10 Mey 1963.



они в Амбухитантели, в доме при церкви (Ришар – пастор протестантской церкви). Очень по-доброму меня приняли.



*Р.Андримандзату*

Закармливали всякими малагасийскими деликатесами. На десерт, помню, был какой-то необыкновенный малагасийский торт. Так и запомнился мне их дом – теплым и сладким.

С балкона их дома открывался великолепный вид на город.

Антананариву раскинулся на холмах. На самом высоком из них в окружении вековых деревьев – королевский дворец “Рува”. На соседнем – величественно возвышается “Дворец Андафиаваратра”, бывшая резиденция премьер-министра.

Узкие улочки, извиваясь, тянутся к вершинам красноватых холмов. На склонах – одно- двухэтажные домики.

Посреди нижней части города – озеро Ануси, над которым нависают кроны сиреневых джакаранд.

Но примерно в шесть часов солнце скрывается за вершиной горы, и сразу наступает темнота – как на черноморском побережье, где я выросла.

Чуть налево от гостиницы “Лидо” начинается Авеню Независимости – центральная улица столицы. На ней по пятницам шумит знаменитая “Зума” (что означает “пятница”) – столичный базар. Пестрый, шумный. Ослепительное солнце, яркая многолюдная толпа. Чего там только нет! Глаза разбегаются. Всё необычное, невиданное...

Деревянные скульптуры, наборы полудрагоценных камней и ювелирные драгоценности, картины и яркие ковры, вышитые скатерти и блузки... Пряности и напитки... Диковинные овощи и фрукты. Да что там диковинные – даже манго и авокадо я видела (и пробовала) впервые.

Покупка – сложный ритуал. Своего рода игра. Этой игрой я увлеклась, вошла в азарт – ведь все-таки я выросла на Кав-

казе. Ну а если еще произнести пару слов по-малагасийски...

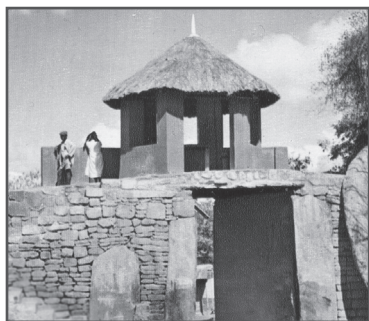
Одно из незабываемых впечатлений – поездка в Амбухимангу (что означает “красивый холм”<sup>1</sup>), бывшую королевскую резиденцию. Это примерно в двадцати километрах к северу от столицы.

Живописна дорога туда – вокруг золотистые холмы в лучах солнца. Мимо проносятся поселки с красными глиняными домиками с островерхими крышами и узкими окнами... Навстречу – телеги, запряженные зебу, женщины, несущие на головах корзины... И все это на фоне горных цепей и вершины Циафадзавуна.

Поднимаемся по крутой лестнице. Перед нами – “ворота”, которые закрываются огромным каменным диском диаметром метров пять.

Центральное место – королевский дворец XVIII века, построенный французским архитектором Ж.Лабордом. На камне рядом с ним высечено: «Здесь жил и правил Великий Король Андрианампуйнимерина. 1788–1810».

Во дворце – портреты Радамы I и Ранавалуны II. И что нас больше всего удивило – подарки, присланные Наполеоном, Папой Римским,.. в том числе – зеркало венецианского стекла, подаренное королевой Викторией.



*Вход в Амбухимангу*

Здесь же летний дворец королевы Ранавалуны II. Сохранились места, названия которых напоминают об истории: площадь Фидасиана, где проходили встречи королей с народом, Фахимасина, парк королевских быков, и другие.

Много еще чего я видела впервые. Даже Южный Крест (Vokovokon'ny Atsimo) – увидела впервые.

Самым интересным было, конечно, просто побродить по городу (к сожалению, это удалось лишь пару раз – все остальное время расписано по минутам).

---

<sup>1</sup> По-малагасийски manga (“голубой”) означает также “красивый”, так же как у нас “красный”.

Как только мы выходили из гостиницы, нас окружала толпа – мы ведь были практически первыми советскими на острове (должно быть, и наверняка, некие особо доверенные люди побывали там до нас, но это остается тайной за семью печатями).

Со всех сторон улыбчивые лица, множество ребятишек. Малагасийцы вообще необыкновенно радушны и приветливы.

Поразила красота малагасийских женщин. Недаром, как я потом узнала, многие европейские миссионеры, прибывшие на Мадагаскар в начале XIX в. из викторианской Англии, побросали своих жен и невест и женились на малагасийках...

После Мадагаскара побывали еще на Маврикии и в Сомали. Тоже – несколько штрихов.

На Маврикий мы летели на маленьком самолетике. Пилоты, насколько помню, не были отгорожены от салона. Во всяком случае, мы с ними как-то общались. Узнав, что мы впервые в этих краях, они спросили:

– Хотите посмотреть остров?

Мы пожали плечами.

И они сделали два круга вокруг острова.

В конце – узнав, что я играю в теннис, подарили мне теннисную ракетку. Представляете? Французскую теннисную ракетку! Тогда!!!

Такое отношение было так непривычно, что трогало до слез.

А в Сомали поразили дороги. Мы проехали по стране на автобусе. Никакой тряски. Ни малейшей. Кажется, что летишь в самолете. Кто-то нам рассказал, что, когда у них принимают дорогу, ставят в машину стакан с водой, и если не прольется ни капли, – дорогу принимают. Вот так!

Это самые первые, самые общие впечатления о Мадагаскаре, увиденном за восемь дней. Когда я вернулась, один из коллег сокрушался: – Восемь дней на Мадагаскаре! Да все бы журналы стонали от моих репортажей!

А я вот только теперь решилась описать – то, что удалось вспомнить...

## *На стажировке в Университете Мадагаскара*

1978 год. После окончания четвертого курса студентов малагасийской группы (а заодно и меня) послали на стажировку в Университет Мадагаскара. На десять месяцев!

Приехали. Сразу с аэродрома нас повезли на обед на виллу посла. Это было так непривычно, что не только я, но и студенты вспоминают об этом до сих пор. Александр Иванович Алексеев в 1974–1980 годах был первым “всамделишным” послом в Антананариву (до тех пор послы были по совместительству во Франции или на Маврикии). Послом Александр Иванович был неординарным. Упорный в делах (крайне необычно для посла слать подряд семь писем (!), “выбивая” красную материю для какого-то малагасийского торжества...). Человек бурной жизни, исключительной судьбы и... удивительного бескорыстия. Он пользовался заслуженным уважением в Антананариву. Его помнят и почитают до сих пор.

Университет выделил нам дом. В центре города, на Route Circulaire. Дом большой, два этажа, шесть комнат. Но пустой. Не было ничего. И денег на приобретение самого необходимого – тоже нет (посольство и торгпредство еще не договорились, кто должен взять нас на кошт).

Благо у меня были там друзья: Вера и Юра Олейниченко – Юра заведовал тогда бюро Агентства печати “Новости” (АПН). Они дали нам денег на первые расходы.

Мы бросились на рынок. Прикупили разных мелочей. Студенты даже засняли, как я, счастливая, бегу к дому... с метлой! (Вот такие намеки!).



Бау Андриамандзату, заехав к нам, на следующий же день привезла чашки, ложки, плоски... И даже подарила мне уникальную малагасийскую энциклопедию “Firaketana” – негоже специалисту по Мадагаскару без нее!

Нам все было внове, все хотелось узнать, понять, уточнить. Вплоть до малагасийских блюд. “Ro mazava”, например. Дословно это значит “прозрачный бульон”. Ну мы так и переводили. А оказалось – это мясное блюдо с рисом, к которому подается отвар из малагасийских трав.

Мы ходили на все лекции, и по языку, и по литературе, и по истории, набирались знаний. Подружились со многими преподавателями Университета.

Прежде всего, конечно, с преподавателями Института прикладной лингвистики при Университете Мадагаскара (З.Беманандзарой, Р.Раджонсоном, М.Рацимой и др.). С супругами Эсуавелумандрусу: Манассе заведовал кафедрой истории, его жена Фаранирина – профессор истории. С Люсиль Рабеаримананой, историком, и ее мужем Габриелем, географом. С Бакули Рамьярамананой и ее мужем – историком Жан-Пьером Доменикини. Томасом Рандрà...

Очень тепло к нам относилась профессор литературы Беби Сулухери. Мы часто у нее бывали. Она устраивала нам экскурсии по городу и по историческим местам. На могиле первой малагасийской королевы Рафухи мы узнали, например: нет полной уверенности в том, что Рафухи – женщина, а не мужчина (в малагасийском языке по имени нельзя определить род).

Хочется отметить высокий уровень преподавания. Не только приглашенных профессоров (Симона Айяша, Ноэля Гёнье, Ж.-П.Доменикини, Ж.Фремигаччи...), но и малагасийских – большинство их получили образование во Франции. Было и несколько советских преподавателей.

В этой связи вспоминается эпизод.

Однажды я была на лекции Манассе Эсуавелумандрусу. Он что-то говорил об олигархии – это его любимая тема. А в конце вдруг рассказал анекдот: почему русские всегда ходят втроем? Потому что один не умеет читать, второй – не умеет



*С Сулухери и студентами у могилы Рафухи*

писать. А третий? А третий следит за этими двумя интеллектуалами!

Все посмеялись, впрочем вполне добродушно...

Кончилась лекция. Выходим из аудитории – навстречу идут... трое русских преподавателей!

Приятно радовало и, скажем, воспитание, что ли. Как-то я договорилась встретиться с Манассе. Прихожу в назначенный час – дверь кабинета закрыта. Не успела я удивиться – бежит его секретарша: простите, ради бога, профессор очень извиняется, заседание у ректора еще не кончилось, вот ключи, пожалуйста, заходите в кабинет, он сейчас придет...

Нам бы такую галантность начальства...

Впервые столкнулась с демократизмом, к которому мы не были приучены. Заведующих кафедрой переизбирают каждые три года. Во время лекции можно входить и выходить. Преподаватели разговаривают со студентами на равных... А однажды я попала в весьма неловкое положение. На конференцию в Москву я пригласила одну преподавательницу русского языка. Просто я ее знала (она училась у нас). Когда же потом приехала в Антананариву, заведующая кафедрой русского языка демонстративно меня игнорировала (хотя

прежде мы были дружны). Я не могла понять причину. Так продолжалось года два. Наконец выяснила. Оказывается, я должна была прислать приглашение на кафедру, они сами, на общем собрании, решили бы, кого посылать на конференцию... А не приглашать “по знакомству”. Стало очень не по себе...

Вспоминаю одно путешествие.

Я воспользовалась длительным пребыванием, чтобы поехать в район Диего-Суарес собирать сказки. Одна моя знакомая списалась со своей сестрой Равау, та согласилась меня принять.

Приехали. Мой “сопровождающий” (мне сказали, что это научно-технический сотрудник, который будет мне помогать в поездке; кто он на самом деле – не знаю, больше я его никогда не видела) довез меня до дома и тут же исчез...

Стучусь. Выходит хозяин. – А Равау уехала в деревню на похороны...

Бог ты мой! На дворе вечер. Города не знаю...

И вот оно, гостеприимство по-малагасийски! Хозяин пригласил меня в дом, повел ужинать к родителям (они жили напротив).

Потом решил показать мне порт – главную достопримечательность.

Приходим. Будка, охранник.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!

Идем вдоль берега. В море – десятки кораблей... Я наслаждалась морским воздухом и любовалась закатом...

На следующий день звоню своему знакомому (вместе работали на Радио). Он – инженер, работает в порту. Договорились встретиться.

– Вот только знаешь, – говорит он, – сюда нельзя без пропуска... Там военные корабли...

– Так я уже была там вчера...

(А корабли... Я так и не поняла, какие из них торговые, какие военные).

Еще одна деталь.

Собирая сказки, столкнулась с тем, что не понимаю их диалект. Мой “сопровождающий” – тоже не понимал. Приходилось приглашать переводчика.

Запомнилась поездка в Тулеар. Там проводился симпозиум по истории Мадагаскара. Ехали преподаватели и студенты исторического факультета. Пригласили и нас.

Погрузились в автобусы и машины. Тулеар – почти на самом юге острова. Асфальт быстро кончился. Проселочная дорога. Красная земля. Вся одежда пропиталось красной пылью...

– Что вы хотите – дорога национального значения! – язвил Манассе Эсуавелумандрусу.

Ночевали в школе. Иностранцы профессора отправлялись, конечно, в гостиницу. Я предпочитала не выделяться – ночевала в общей комнате с малагасийскими преподавателями. Правда, мне уступали персональную кровать, остальные спали по двое.

Не обошлось без приключения.

В Тулеар приехали под вечер. Я поселились в квартире для приезжих преподавателей при университете. Пока устраивалась, наступила ночь. Думаю, было около двенадцати. Вдруг слышу: – Людмила Алексеевна! Выглядываю – под окном стоят мои ребята. Они, видите ли, не хотят селиться в студенческом общежитии...

Что было делать? Не оставлять же их ночью на улице.

Вспомнила, что здесь на океанографической станции работает одна моя знакомая. Пошли туда. Через весь город. Темно, ни огонька.

Как нашли эту станцию, сейчас представить не могу. Маленькие домишки. Штук двадцать. В каком моя знакомая? Однако тоже как-то нашли. Она повела нас к “коменданту”, который пристроил наконец на ночлег моих привередливых студентов...

Ну и, наконец, язык.

В отличие от Диего здесь через два дня становится ясно, что вместо “tr” произносится “ts”, и начинаешь понимать...



И незабываемый океан! Синие волны, бьющиеся о берег, золотистый песок, на котором там и сям раковины моллюсков...



*Рынок ракушек в Тулеаре*

И, конечно, базары. Горы свежих тропических фруктов – папайя, манго, леци, помело... И один из крупнейших рынков ракушек, кораллов и экзотических изделий и украшений.

## Месяц на Мадагаскаре

Мы приехали на Мадагаскар 13 июня 2005 года. Вдвоем – профессор Леонид Владимирович Гевелинг, заместитель директора Института стран Азии и Африки при МГУ, и я. Леонид Владимирович – подписать договор о сотрудничестве между ИСАА и Университетом Антананариву. Я – получить Национальный орден Республики Мадагаскар, прочесть курс лекций в Университете и выступить в Малагасийской Академии.

Рамочный договор между университетами был подписан ректором Университета Антананариву Паскалем Ракутубе и Л.В.Гевелингом 15 июня. В тот же день министр высшего образования и научных исследований Х.Н.Разафиндзатуву вручил мне орден Командора Национального ордена Республики Мадагаскар в присутствии ректора П.Ракутубе, профессуры Университета и посла Российской Федерации Ю.А.Романова.



Потом – 75 часов моих лекций и семинаров по проблемам перевода с русского языка на малагасийский и с малагасийского на русский. Вместе со студентами мы перевели раздел “Мадагаскар” из книги А.Новикова-Прибоя “Цусима” – столетие пребывания эскадры З.Рожественского на Мадагаскаре как раз отмечалось в дни нашего пребывания. 17 июня

в Эльвиле, административном центре острова Нуси-Бе, посол России Юрий Романов открыл памятник «Доблестным российским морякам эскадры Рождественского. Благодарные потомки».

В истории российских плаваний к Мадагаскару тот поход 1904–1905 годов оставил самый большой след. На городском кладбище в Эльвиле сохранились до сих пор могилы русских моряков, умерших тогда от болезней.

Мне, естественно, захотелось побывать в тех местах. И я отправилась на поиски. На кладбище сохранились лишь две могилы. Надписи на надгробиях: «Anatole Poroff», «Алексей Лубошников».

Я пыталась выяснить в кладбищенской церкви имена других моряков – ведь должны же были там сохраниться записи о захоронениях. Но книги регистрации смертей, сказал мне местный пастор, несколько смущаясь, «мальгаши пустили на самокрутки». В 1980-х годах на набережной Эльвиля был поставлен памятник: «Памяти русских моряков тихоокеанской эскадры. 1904–1905 г.г.» (надпись на русском и малагасийском языках).

Многие из тех, кто повидал Мадагаскар, погибли в цусимском бою. Сколько ярких впечатлений о Мадагаскаре пропало с гибелью тысяч офицеров и матросов, чьи тела уже более ста лет покоятся в глубоких водах Цусимского пролива. Сколько удивительных уникальных воспоминаний могли бы прочесть мы, да и сами малагасийцы...

Ну, а нынешняя жизнь на этом Великом Острове? Что бросается в глаза сейчас?

Я не была там три года. И главное впечатление – ощущение перемен.

Все движется, строится, открывается. Это трудно представить. Трудно отказаться от стереотипа малагасийца, особенностью психологии которого считался принцип “*moramora*” (т. е. “потихоньку”, “не спеша”). Тем не менее это факт. Убеждаешься в этом, когда видишь торговца, ежедневно метущего улицу перед своей лавкой; рабочих, которые продолжают что-то долбить на дороге даже после захода солнца; террасы,

тщательно ухоженные, засеянные различными сельскохозяйственными культурами.

Город непрерывно строится. Строят дороги. Исчезли колдобины и рытвины посреди города, сравнимые разве что с теми нашненскими, о которых писал Пантелеймон Романов. Вместо них – широкие асфальтированные дороги, уже построенные и строящиеся. При мне состоялось торжественное открытие “Бульвара Европы” (назван так, поскольку финансировал Европейский Союз).

Растут новые кварталы. Двух- трехэтажные виллы и коттеджи. Я обратила внимание, как рационально все делается: дом еще весь в лесах, а изгородь уже заросла вьющимися растениями.

Включаешь телевизор – президент открывает новую больницу с каким-то сверхсовременным оборудованием, или Лицей Винэ, полностью перестроенный к столетию его создания (в нем, кстати, начинал учиться “коротышка Марк”, как дразнили тогда Марка Равалуманану).

Посмотришь газету – премьер-министр Жак Силла на новом предприятии по переработке отходов в удобрения или строительстве водопровода в Фианаранцуа...

Осушены болота, куда сливались нечистоты. Вместо них – чистые водоемы, окруженные зеленью, а в них водоплавающие птицы, похожие на наших цапель. Кое-где ловят рыбу. Построены мосты через речушки.

Улицы запружены машинами. Вместо малолитражных “Renault-4L” – японские джипы, “мерседесы”, “ситроены” и “пежо”, “хёндэ”... Грузовики, “такси-бэ” (маршрутные микроавтобусы), такси. Такси, кстати, выглядят как новенькие – говорят, по приказу мэра города все их перекрасили в бежевый цвет.

Китай подарил Мадагаскару велосипеды и мотоциклы фирмы “Мак”. И вот теперь вместо толп пешеходов, спешащих утром из предместий в деловой центр, – массы мотоциклистов и велосипедистов. Многие еще, очевидно, не знают правил дорожного движения и мчатся прямо посреди дороги. Иногда их трудно бывает обогнать – некоторые озорно пытаются со-

ревноваться. Пешеходы гордо и спокойно переходят улицу, не глядя ни вправо, ни влево. Особенно опасно, когда маленькие дети, оставшись на минуту без присмотра, буквально лезут под колеса – они абсолютно лишены чувства страха перед автомобилями. Надо отдать должное водителям – они вежливы и уступают дорогу. Несмотря на то что почти нет светофоров (лишь кое-где установлены китайские) и дорожных знаков, пробки случаются редко. Удивляет, что никто нервозно не сигналист, никто не пытается тебя “подсечь”, “проскочить”... Поднимаешь руку – и тебя пропускают.

Вдоль дорог – огромные рекламные щиты, объявления, плакаты. Заведения с английскими названиями: Night club, Snack pub, Music box, Print shop... И даже за несколько десятков километров от столицы, у озера Тритривы – табличка “Parking”.

Открываются суперсовременные торговые центры: реюньонский “Jumbo”, южноафриканский Shoprite”, французский “Leader Price”. Изобилию продуктов в них могут позавидовать наши “Перекрестки” и “Ашаны”.

Появились первые небоскребы и даже один тонированный билдинг, которому, правда, уже несколько месяцев не могут найти применения. На мой взгляд, они нарушают гармонию города. Издержки урбанизации.

Заметно южноафриканское присутствие. Есть даже свой “Water front”, как в Кейптауне. Но особенно растет китайская активность. Китайцы субсидируют строительство дорог. На перекрестках продавцы предлагают вам китайские товары (зажигалки, фонарики, батарейки и прочие мелочи). Еще три года назад в Танà были лишь мелкие китайские лавчонки. При мне открылся новый китайский гипермаркет. Почти в самом центре города, около центрального вокзала, возник “чайна таун”.

Лишь с приближением сумерек город постепенно затихает. Пустеют улицы, перестают ездить маршрутки. Темнота наступает внезапно – как только красный диск солнца прячется за окружающие горы. Однако жизнь продолжается, не пустеют кафе и рестораны. Причем лучшие рестораны – “Отель Коль-

бер” и “Отель де Франс” – заполнены не вазами, как прежде, а в основном малагасийцами, хотя цены там “кусаются”. Я смогла себе позволить лишь чашку капучино...

Город расположен на холмах. Серпантины вверх-вниз, крутые повороты. Когда едешь утром в университет, или вечером, обычно уже при закате солнца, открываются живописные виды окрестных холмов – невысокие, прижатые друг к другу, утопающие в тропической зелени белые дома с красными крышами на красной земле.

Красный цвет вообще преобладает на острове – в разные оттенки красного окрашены и земля, и реки, и деревья. Красный цвет издавна считался цветом королей. Недаром Мадагаскар часто называют “Красным островом”.

На вершине одного холма величественно возвышается “Дворец Андафиаваратра”, бывшая резиденция премьер-министра, теперь там музей. На соседнем, Мандзакамьядана, зияет пустыми окнами “Рува”, или “Дворец королевы”, – он сгорел несколько лет назад и до сих пор не восстановлен. Высятся там и сям купола христианских церквей, появились и минареты – недавно построены четыре мечети.

Я люблю бродить по городу пешком. Исходила его вдоль и поперек еще в семидесятых.

Начинаю обычно с центральной улицы – с “Авеню Независимости”. По сравнению с 2002 годом, когда большинство зданий там были заколочены досками крест-накрест, улица полностью обрела прежний вид. Идешь, заглядываешь в магазинчики, выпьешь кофе или съешь мороженое в “Белоснежке”, помотришь книжные новинки в “Librairie de Madagascar” и “Librairie Mixte”, побродишь по “реюньонским рядам”: лавчонки, заваленные джинсами, юбками и рубашками, обувью, игрушками... – все, как и раньше. Но если прежде это были уцененные французские товары, то теперь – в основном китайские.

Дальше идет сквер Амбухидзатуву. Дохожу до конца. Там, перед самым въездом в туннель, стоял памятник французскому генерал-губернатору Ж.-С.Галлиени. Его уже нет...

Возвращаюсь обратно. В доме “Рарихасина” открылась выставка картин местных художников в связи с “Днями малага-

сийского языка”, которые ежегодно в июне проводит “Центр малагасийского языка” при Малагасийской Академии. По средам в 15 часов – выступают члены Отделения языка и литературы Академии. Собирается обычно человек 40–50. Я успела побывать на докладе о результатах малагасизации и о юморе в малагасийской литературе.

Напротив “Рарихасины” поднимаюсь по крутой, довольно широкой лестнице наверх, в Антанинаренину, одно из немногих ровных мест в столице (недаром переводится как “плоское место”). Малагасийские имена – значимы. Названия городов и местечек часто содержат в себе привязки к конкретным историческим событиям или намек на некие обстоятельства.

Обнаружила, что на лестнице уже нет отеля “Лидо” (в 2002-м он еще был), где мы жили в 1963 году, когда я впервые приехала на Мадагаскар. Теперь там какой-то офис. По краям лестницы, как обычно, сидят женщины и мужчины – торгуют разными безделушками и сувенирами. Босоногие дети просят милостыню. Одна девчушка смотрела такими умоляющими глазами, что я не выдержала и подала, – хотя и знала, что лучше этого не делать. Буквально через минуту меня окружила плотная толпа ребятишек с протянутыми ладошками...

Поднявшись наверх, попадаешь в сквер. Там стоит памятник независимости Мадагаскара. Прямо напротив сквера – вход в “Shoptite” (раньше он назывался – “Champion”, а еще раньше – “Prisunic”). Внутри там ничего не изменилось, за исключением ассортимента товаров, преимущественно южноафриканских.

Справа от “Shoptite” был известный на Мадагаскаре банк

“Banky fampandrosoana ny varotra”, теперь в этом здании – “Bank of Africa”.

Слева – по-прежнему “Отель Кольбер”. Он расширился: выстроен еще один корпус, открыто двухэтажное кафе, где самые лучшие в городе пирожные.



*Дворец Амбухицурухитра*

Проходишь до конца отеля и перед тобой – президентский “Дворец Амбухицурухитра”. Если обойти дворец, можно спуститься к озеру Ануси. В этом году, к 60-летию окончания войны в Европе, по инициативе российского посольства, совместно с посольствами Франции, Англии, Германии и США, а также малагасийских властей, в центре озера поставили памятные доски участникам войны 1941–1945 гг.

Дальше – “Махамасина”, центральный стадион города, где обычно проходят военные парады и праздничные церемонии.

Мимо стадиона налево и вверх, затем вниз, опять вверх и опять вниз... и выходишь к знаменитому Парку Цимбазаза. В стародавние времена это было излюбленное место прогулок малагасийских королей и королев. Здесь же проходили церемонии прощания с усопшими королями, во время которых забивали быков. Вот почему он получил название “Цимбазаза”, которое можно перевести как “не для детей”.

В 1925 году правительство выделило это место Малагасийской Академии для создания Зоологического и Ботанического сада. Большую роль в его создании и комплектовании сыграли первый директор музея Э.Франсуа и французские ученые П. де ла Батье и Пьер Буато. С 1947-го Сад Цимбазаза передан в ведение Института научных исследований Мадагаскара, с 1972-го – Научно-исследовательского центра. Теперь он называется: Ботанический и геологический парк Цимбазаза.

В чем его уникальность? Это – своеобразный музей живой природы. Здесь собраны различные виды флоры и фауны Мадагаскара. Задача музея – сохранить эндемичные виды.

Я провела там не одно утро, не в силах оторваться от диковинных и невиданных прежде растений и животных.

В течение миллионов лет Мадагаскар оставался изолированным от внешнего мира. Благодаря этому, по-видимому, он представляет собой как бы естественный заповедник, где сохранились уникальные виды флоры и фауны.

Полагают, что три четверти видов растительности Мадагаскара эндемичны, то есть не встречаются больше нигде на Земле.





*Равенала*

Среди собранных в Цимбазаза растений – многие выделяются необычной красотой. Вот цветущая раз в жизни пальма “рафия” с пышным оперением, там – живописная “фанцахулитра” (молочай) с ветвями в виде канделябров, шиповидная мимоза, хлебное дерево... И знаменитая пальма “равенала” – один из символов Мадагаскара. Она напоминает изящный раскрытый веер. Европейцы назвали ее “деревом путешественников”, т. к. между черенками у нее скапливается дождевая вода, которой, якобы, всегда можно утолить жажду.

В Парке Цимбазаза и самое полное собрание фауны. Известно, что на Мадагаскаре нет ни слонов, ни зебр, ни антилоп, ни даже газелей. Нет и львов, леопардов, гиен, носорогов. Единственный хищник – лисоподобная рыже-бурая “фуса”, которая смотрит на вас довольно свирепо.



*Лемур*

А вот и лемурчики – архаические родственники обезьян. Одни блаженно нежатся на солнышке, другие осторожно высывают свою острую мордочку из специально оборудованных для них “домиков”. Один из наиболее редких и курьезных – руконожка “ай-ай”. С ней соседствуют пегие “индри”, самые крупные лемуры. Вон они прыгают с дерева на дерево, а по земле – перебегают на двух ногах.

Вольеры с птицами. Многие отличаются яркой неожиданной окраской: “гуайка” (ворона “с белым воротником”), зеленый голубь, красный воробей, черный попугай, голубая кукушка (иссиния-зеленая урания)...

В центре Парка – памятник Альфреду Грандидье (1836–1921), крупнейшему исследователю Мадагаскара. Здесь же

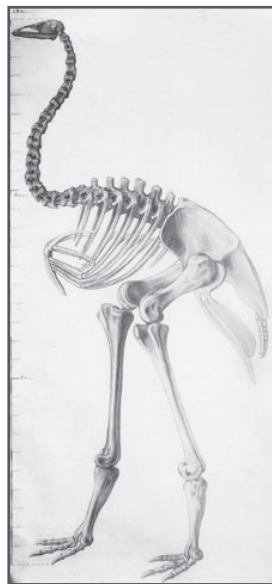
хранится и его знаменитая “Коллекция документов по Мадагаскару”. Совсем недавно я узнала, что А.Грандидье был избран в 1903 году почетным членом Императорского Русского географического общества.

Парк Цимбазаза примыкает к зданию Малагасийской Академии. Малагасийская Академия (полное название – Малагасийская национальная академия искусств, гуманитарных и естественных наук) – старейшее научно-исследовательское учреждение на Африканском континенте. Объединяет выдающихся представителей науки и культуры Мадагаскара. Учреждена указом Ж.-С.Галлиени, тогдашнего генерал-губернатора Мадагаскара, от 23 января 1902 года.

Академия имеет давние связи с иностранными академиями и международными научными организациями. Одно из первых соглашений было заключено в Москве в 1961-м – с Академией наук СССР. В мае 1996-го – заменено договором с Российской академией наук. Несколько российских ученых избраны членами Малагасийской Национальной Академии (Ан.А.Громько, Л.А.Корнеев, Н.Х.Розов – член-корреспонденты, я – действительный член).

При Академии создан Музей естественной истории. В нем собраны в основном предметы материальной культуры, найденные как в ходе археологических раскопок, так и случайно. Среди них много редких, порой уникальных экспонатов. Здесь экспонируется, например, такая палеонтологическая достопримечательность, как скелет эпиорниса – гигантской (высотой до трех метров) страусоподобной птицы, вымершей в XVIII веке.

Если же сойти с центральных улиц и углубиться в лабиринт узких улочек без названий, попадаешь в другой мир, где люди живут так, как жили десятки лет назад. Обычные двухэтажные жилые дома. Иногда встречаешь людей,



*Скелет эпиорниса*

несущих на головах огромные соломенные корзины. Порой можно увидеть продавца с повозкой... Старая Антананариву, которую я впервые увидела в 1963 году...

Однако перемены есть и здесь.

Мужчины и женщины ходят в европейских одеждах. Все реже можно встретить женщину с ламбой<sup>1</sup>. Прежде малагасийки носили “ламбауани” (прямоугольный кусок яркой, с красивым рисунком, ткани, который женщина оборачивает вокруг тела, завязывает на груди, и получается длинная, до пола, юбка). Теперь их в столице уже не увидишь.

Стало обычным передавать фамилию отца детям (раньше каждый ребенок при рождении получал свое собственное имя, отличное от имени родителей).

Так что под натиском глобализации древние традиции начинают сдавать свои позиции. И это, наверно, естественно.

Где нет изменений – так это на рынке. Грудами фруктов и овощей по-прежнему завалены базарные прилавки. Импровизированные торговые ряды, порой – прямо на земле, тянутся вдоль основных улиц. Здесь можно найти все: и наши прозаические капусту и картошку, и тропические – “длинные” и “короткие” бананы (у нас бы сказали – “большие” и “маленькие”), леци, папайю, кокосовые орехи... И совсем уж экзотичные “суанамбу” или “вуазати”.

Распространена торговля мясными продуктами. Огромные мясные туши и связки колбас висят открытыми целый день. Поражают чистота и отсутствие мух.

Оживленно ведется и торговля прямо из окна машины. Ты останавливаешься, тотчас же тебя окружает толпа торговцев, предлагая свой товар. Выбираешь, торгуешься... Единственная проблема – быстро подсчитать, что сколько стоит. Дело в том, что введена новая денежная единица – ариари. Она соотносится со старой (малагасийскими франками), как один к пяти. Многие не могут еще привыкнуть и по-прежнему называют цену во франках.

---

<sup>1</sup> Lamba – национальная малагасийская одежда (широкий шарф, переброшенный через плечо).

Здесь сто́ит, может быть, отметить отношение малагасийцев к иностранцам. Очень доброжелательное. Это само по себе удивительно. “Колониальный синдром”, – сказала моя знакомая. Я так не думаю. Скорее это традиционное уважение к старшим, к гостю, которое опосредованно переносится на иностранцев – они воспринимаются как гости, люди из иного мира, незнакомого и недоступного им, а потому – более уважаемого, что ли. Приятно удивляет предупредительность и внимание. Незнакомые люди раскланиваются. Всегда готовы прийти на помощь. Спросишь дорогу – проводят тебя до порога. Не дадут тебе нести сумку... Деликатны, сдержанны. Говорят тихим голосом – из уважения, как мне объяснили.

Ну а если еще скажешь им несколько слов на их родном языке! Торговцы на рынке сразу снижают цены, продавцы на ярмарке с очаровательной улыбкой подносят тебе “cadeau”.

В этом году Национальный праздник отмечался особенно торжественно. 26 июня исполнилось 45 лет со дня обретения независимости.

Во всех столицах провинций открылись сельскохозяйственные ярмарки. В городах проводились выставки, прямо на улицах демонстрировались фильмы. На импровизированных подиумах выступали театральные коллективы, фольклорные ансамбли, проводились конкурсы “кабари” (своего рода соревнования в красноречии). Устраивались спортивные соревнования.

Почти все дома украшены национальными флагами. Фейерверк длился больше часа. Улицы запружены толпами гуляющих. Петарды, искусственные огни. Праздничное оживление закончилось лишь поздно ночью.

По случаю праздника бедным выдали, как у нас раньше сказали бы, “заказы”: несколько килограммов риса, растительное масло, курицу, соль, сахар...

Выступая на многотысячном праздничном митинге на стадионе “Махамасина”, президент республики Марк Раваланана признал трудности, которые страна испытывает в настоящий момент. Объявил приоритетом борьбу с бедностью, а главной задачей – развитие страны.

Среди достижений он обозначил: 1) впервые страна свободна от долгов, 2) структурно разделена на 22 региона, 3) обрела доверие великих держав и признание в мировом сообществе.

Страна действительно освободилась от долгов – все европейские страны и США полностью списали долги Мадагаскара (Россия списала \$ 97 млн малагасийского долга). Как сказал президент, эти деньги должны пойти на финансирование инфраструктуры, создание новых рабочих мест, поддержку образования и развитие здравоохранения.

Президент напомнил, что власть, которую он возглавляет, работает на социально-экономическое развитие страны. Призывал народ к терпению и трудолюбию. «Мы берем наше будущее в свои руки, и не надо рассчитывать только на других» <...> «Нужно много и хорошо работать» <...> И доверять президенту: «Если речь идет о развитии Мадагаскара, я вам обещаю – я смогу это сделать вместе с вами» <...> «Великий остров увидит процветание еще при моем правлении».

Марк Равалуманана – один из богатейших людей на Мадагаскаре. Богатых не любят не только в России. И кто-то сказал, что он производит впечатление “нового русского” с комплексом Наполеона. Однако все подчеркивают его целеустремленность.

Президент не только строит дороги. Он доказал свое умение устанавливать контакты на международной арене. Он – один из трех человек, избранных в Корпоративный совет по Африке. Получил 44 стипендии для малагасийцев в университетах Канады и Японии. Добился получения займа от Всемирного банка.

Выделил деньги на издание “Энциклопедического словаря” и на реконструкцию зданий Малагасийской Академии.

Конечно, не все его обещания выполняются. Да и не все – реальны. На выборах он обещал, что Мадагаскар станет девятой страной в Большой восьмерке.

Не соблюдается автономия регионов, главы регионов назначаются – что противоречит конституции. Коррупция во властных структурах. Перетасовка кадров в правительстве. Цены на товары первой необходимости за три года выросли на 10–20 %, национальная валюта потеряла почти половину стоимости, увеличилась безработица. В городе неладно с электроэнергией. Электрическая компания Jirama привати-

зирована и теперь наводит порядок – за неуплату отключают электричество то в одном районе, то в другом.

Все это вызывает недовольство. В июне месяце оформилась оппозиция. Ее окрестили “3N”. В нее вошли: Комитет Национального примирения (CRN) во главе с проф. Альбером Зафи, Парламентская солидарность в защиту демократии и национального единства (SPDUN) – во главе с бывшим министром Морисом Беранту и Объединение национальных сил (RFN), возглавляемое пастором Эдмоном Разафимахефа. Они провели Национальную конференцию, но не смогли договориться о лидерстве. После долгих встреч и переговоров создали три комитета, каждый из которых возглавляет один из представителей трех партий.

Власти не слишком обращают внимание на оппозицию. Недовольство выражает в основном, конечно, интеллигенция.

Ну а народ? О нем можно сказать, как говорили о нашем в XIX веке: «Народ переможет – чай не французы!». Народ живет трудной жизнью, о которой мы почти ничего не знаем. Как и сотни лет назад, ведут натуральное хозяйство. В массе своей – бедны. Но как-то выживают. И не жалуется. Природа здесь настолько щедра, что можно прокормиться. Многие культуры дают по два, а то и три урожая в год. Рынок хоть и дорожает, но ананас или папайя стоят 14 рублей на наши деньги, а за пределами столицы – в два раза дешевле.

Малагасийцы народ терпеливый и неприхотливый. На миску риса с овощами, слава богу, хватает. Погода теплая. Как говорится, «солнышко светит, лягушки квакают...».

Но все же сомнения остаются. Возможно, не все так благостно в “таинственной стране Мадагаскар”? Не слишком ли я пристрастна (а как можно быть беспристрастной, если уже сорок лет связано с этой страной)? Может быть, выдаю желаемое за действительное, вижу всё в розовом свете? Слишком оптимистична?..

Вот что написала “La Gazette de la Grande Île” 2 июля 2005-го: «Когда Нобелевскую премию по экономике получит малагасиец, это будет означать, что мы уже не развивающаяся страна, и не будем жить, изворачиваясь, как сегодня. Придет ли когда-нибудь такой день? Возможно, никогда».